

Слушая рассказ Хуапин, Сяо Чжоухэн узнал, что Мяомяо часто приходила в банк с Тань Чжао и, вероятно, хорошо знала это место. Сяо Чжоухэн и сам понял, что только те, кто часто бывал в усадьбе, знали, что помимо двух туалетов у зала, был ещё один за холмом.

Но почему Мяомяо, страдая от боли в животе, выбрала более дальний путь?

Ответ был очевиден — она не могла войти в те два туалета.

Внезапно в голове Сяо Чжоухэна что-то вспыхнуло, и он сразу же спросил:

— Хуапин, те два туалета вчера были недоступны для других, да?

— А?

Хуапин на мгновение замешкалась, прежде чем поняла, о чём он говорит, и тихо ответила:

— Они предназначены для хозяина и гостей, слуги, конечно, не смели ими пользоваться... Но если бы я была на месте Мяомяо, я бы тоже не хотела идти туда.

— Что ты сказала?

Сердце Сяо Чжоухэна забилось чаще, непонятно почему.

— Да.

Хуапин кивнула, её голос был всё так же тих.

— Недавно, по неизвестной причине, рыбы в пруду перед двором всплыли брюхом вверх, и вода затопила те два туалета. Хотя всё уже убрали, но девушка очень чистоплотна, вчера было пасмурно и сыро, и, вероятно, запах всё ещё был неприятен. Поэтому она и не пошла туда.

На самом деле Ли Чжуннань был абсолютно уверен, что Ли Юньси знал всё о порохе и даже мог предположить, что именно он приказал его заложить.

Но почему?

Судя по действиям Ли Юньси прошлой ночью, которые были далеки от ненависти, можно предположить, что его целью был Тань Чжао. Из-за этого инцидента он активно сблизился с Тань Чжао, внешне опустившись до крайности. Но Ли Чжуннань считал, что на самом деле всё было наоборот, и Тань Чжао был тем, кто оказался в пассивной позиции. На ту привязанность, которую проявил Ли Юньси, он мог только согласиться, и таким образом Тань Чжао оказался привязан к Ли Юньси.

Ли Чжуннань пришёл к этому выводу лишь благодаря мгновенному ощущению.

Что касается того, почему Тань Чжао в тот момент не мог отказаться, или, другими словами, как Ли Юньси был уверен, что Тань Чжао обязательно примет его предложение, лучше спросить самого хозяина банка Таобай.

Размышляя об этом, Ли Чжуннань уже дошёл до одного из залов для совещаний в усадьбе и увидел Ли Юньси, сидящего с чашкой чая. Тот тоже посмотрел на него, и в его глазах появилась лёгкая дымка.

Тань Чжао не было рядом, возможно, он вернулся в резиденцию князя Му.

— Всё же... лучше смотрится с белым...

Ли Чжуннань услышал эти слова, но не понял их смысла, лишь почувствовал, что это не было комплиментом.

Ли Юньси не удивился его приходу и пригласил Ли Чжуннаня сесть, налив ему чай.

— Пэйчжи, у тебя прекрасный вкус.

Ли Чжуннань смотрел на плавающие в чашке чайные листья, но не испытывал ни малейшего желания их попробовать.

— Господин Цзюэянь и я вчера нашли огненный шип в пруду возле холма.

— Ага.

— Значит, обрушение холма не было случайностью, верно?

Ли Чжуннань смотрел на Ли Юньси, замедляя речь до минимума.

— Какое тебе дело?

Ли Юньси встретил его взгляд, совершенно спокойно.

— Почему ты не хочешь оставаться зрителем, а лезешь в это дело?

— Наверное, ты привлёк меня не для того, чтобы я был просто зрителем. — Ли Чжуннань сказал. — Пэйчжи, так играть с огнём опасно.

— Я думал, ты будешь мудрее, но оказалось, что ты тоже слеп.

Ли Юньси бросил взгляд на нетронутую чашку Ли Чжуннаня, отхлебнул из своей и провёл крышкой по краю.

— Чанчжоуский чай славится по всему миру, но и он тебя не убеждает?

— Пэйчжи, ты преувеличиваешь, боюсь, моё больное тело не выдержит.

Ли Чжуннань улыбнулся, но его внимание привлёк мизинец Ли Юньси, украшенный эмалевым напёрстком, что выглядело довольно заметно.

— Почему не выдержит?

Ли Юньси спросил.

— Иногда люди, не находясь в игре, думают, что смогут сделать лучше, чем те, кто внутри. Но когда они действительно входят в игру, то не знают, как из неё выйти.

Ли Чжуннань молчал, и Ли Юньси продолжил:

— Поэтому, брат Чжуннань, цени те немногие дни, когда ты ещё не стал частью игры.

Ли Чжуннань приподнял бровь:

— Пэйчжи, как долго, по-твоему, продлится это время?

— Скоро.

Ли Юньси тихо ответил, и на его губах появилась загадочная улыбка.

Снаружи доносились крики осенних цикад, и вдалеке слышались звуки даосских ритуалов для умерших. Ли Чжуннань заметил, что улыбка Ли Юньси постепенно исчезала, превращаясь в мрачное облако.

Оказывается, даже богач Ли Пэйчжи, который думает только о деньгах, имеет сердце и тоже может страдать.

...

Получив письмо от Ли Чжуннаня, Вэй Сяолуань отправилась выяснить, кто такой Ян Цзе. Хотя она сама не знала Ян Цзе, она знала шестнадцатую дочь Ли Чжуюэ.

Ранее портреты Ли Чжуюэ распространялись по всему городу, и хотя власти приняли меры, уничтожив множество картин, их всё ещё можно было купить. Вэй Сяолуань тайком приобрела одну и, благодаря своему учителю, встречалась с несколькими придворными дамами, но считала, что Ли Чжуюэ на картине выглядела ещё прекраснее, чем они в своих ярких нарядах.

В отличие от неё, которая, несмотря на обучение у спокойного и сдержанного учителя, всё ещё была похожа на мужчину, и такие слова, как «нежный взгляд» или «стройная ива», к ней не подходили.

Поэтому в глубине души она завидовала Ли Чжуюэ.

И когда она узнала, что Ли Чжуюэ сбежала с каким-то неизвестным мужчиной, Вэй Сяолуань была разочарована, но в то же время взволнована — Ли Чжуюэ действительно была необычной женщиной, даже более непокорной, чем она сама.

Когда Вэй Сяолуань нашла их, она почувствовала, что этот мужчина был ей знаком. Когда Ли Чжуннань сказал, что его зовут Ян Цзе, она не могла вспомнить, но была уверена, что где-то его видела.

Вэй Сяолуань следила за Ли Чжуюэ четыре дня, и на четвёртый день она поняла, что не одна. Более того, она с ужасом обнаружила, что за ними также следили люди из Хуанчэнсы.

Хуанчэнсы имели дурную репутацию, и если они кого-то преследовали, ничего хорошего не жди. Видя их вызывающую одежду, Вэй Сяолуань злилась. В этот момент она, опираясь на дерево, смотрела, как Ян Цзе и Ли Чжуюэ тайком зашли в лавку, и, грызя семечки, украденные из башни Цзючунь, ругала Тан Чана, стоявшего под деревом, называя его подлецом.

— Кого ты назвала подлецом?

Прежде чем Вэй Сяолуань успела отреагировать, её схватили за воротник и с силой сбросили с дерева.

Дерево было высоким, и, упав, Вэй Сяолуань сразу почувствовала, как её правая рука и плечо вышли из суставов.

Тан Чан стоял над ней, вытаскивая из-за пояса изогнутый меч. Вэй Сяолуань с трудом пошевелилась, понимая, что в её положении доставать оружие было бессмысленно.

Тан Чан, увидев её беспомощное состояние, с усмешкой сказал:

— Мелкая дрянь, сколько дней ты за мной следила?

Вэй Сяолуань хотела что-то сказать, но почувствовала, как кровь поднимается к горлу, и ей пришлось сдерживать кашель — прожив больше двадцати лет, она потеряла учителя, а теперь теряла и жизнь. Она смотрела, как чёрные сапоги Тан Чана приближаются к ней, и беспомощно закрыла глаза.

— Запугивать женщин — это стиль Хуанчэнсы?

Раздался голос, и в ушах Вэй Сяолуань зазвучал свист ветра, а в тумане она услышала звук сталкивающихся мечей. С трудом открыв глаза, она увидела спину человека, который, казалось, шёл навстречу солнцу. Она невольно улыбнулась:

— Кашель... действительно, как ты и говорил.

Оказывается, в тот день, когда Вэй Сяолуань уходила из резиденции Ли, она увидела двух человек, которые, казалось, дрались, или, скорее, стала свидетелем засады.

Авторское примечание: Ли Миньсюань (Мин — второй тон, Сюань — первый тон): старший сын Ли Юньи.

Деревня Ханьвэй: впервые упоминается в двенадцатой главе.

<http://bllate.org/book/16134/1444674>